

РЕЦЕНЗИИ

Heads in grammatical theory/ Ed. by Corbett G.G., Fraser N.M., Mc Glashan S. Cambridge. Cambridge University Press, 1993, 340 p.

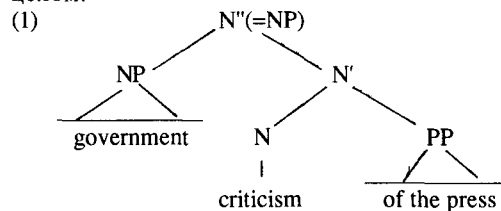
Рецензируемый сборник, подготовленный к печати английскими лингвистами Г. Корбеттом, Н. Фрэзером и С. Макглэшеном, посвящен понятию, которое появилось в синтаксисе очень давно, но с которым до сего дня связано много проблем.

Действительно, с давних пор у лингвистов было интуитивное представление о том, что одни элементы предложения или словосочетания могут в некотором смысле доминировать над другими. Однако точное определение понятия доминанции и, следовательно, вершины в большинстве традиционных синтаксических описаний грешило односторонностью (а именно, почти исключительно вниманием к морфологическим свойствам вершин как контролеров согласования).

Достаточно сложной была судьба понятия "вершина" и в последние десятилетия. На фоне общей тенденции к строгим определениям и формализации лингвистических понятий этому понятию "повезло" значительно меньше, чем, например, понятиям составляющей, синтаксической категории, управления и др., которые были детально изучены и достаточно строго определены в современных синтаксических теориях. Во многих лингвистических моделях последних десятилетий, прежде всего – в различных версиях грамматики зависимостей (реляционная грамматика, модель "Смысл – Текст" и др.) понятие вершины активно использовалось, но при этом либо оставалось без какого-либо эксплицитного определения, либо определялось в сугубо "внутритеоретических" терминах.

Еще более противоречивой была судьба этого понятия в грамматиках, основывающихся на синтаксисе составляющих, а не на синтаксисе зависимостей, прежде всего в порождающей грамматике Хомского. Первоначально понятие вершины не имело в ней самостоятельного значения, однако по мере развития генеративизма оно посте-

пенно вышло на первый план. Это видно даже при самом беглом знакомстве с X'-теорией, впервые сформулированной в [1]. X'-теория различает в каждой составляющей (phrase) вершину (head) и ее зависимые (dependents), распределенные по двум уровням (bar-levels). Зависимые первого уровня (аргументы вершины) называются дополнениями (complement), а зависимые второго уровня – спецификаторами (specifier). В соответствии с этим всякая вершина (X) имеет две "проекции": проекция первого уровня (X') формируется вершиной и ее дополнением, а проекция второго уровня (X'') образуется путем присоединения спецификатора к проекции первого уровня. Проекция второго уровня, таким образом, совпадает с целой составляющей. Покажем это на примере английской именной группы. Именная группа *government criticism of the press*, согласно принятой в генеративизме трактовке, содержит вершину *criticism* и две зависимые составляющие – именную группу *government* и предложную группу *of the press*. Предложная группа, как заполняющая наиболее обязательную валентность вершины, считается ее дополнением. Сочетание *criticism of the press* является, следовательно, проекцией вершины первого уровня. Именная группа *government* признается спецификатором вершины, и ее присоединение к проекции первого уровня дает проекцию второго уровня, то есть составляющую в целом:

Очевидно, что такая теория структуры составляющих предполагает не только обя-

зательное наличие вершины в любой составляющей, но и ее единственность. Предполагается, кроме того, что вершина совпадает с возглавляемой ею составляющей по всем синтаксическим свойствам (прежде всего, по дистрибуции).

Из этого ясно, сколь велика роль, отводящаяся вершине в порождающей грамматике со времени принятия X'-теории. Однако, как ни парадоксально, эксплицитного определения вершины, позволяющего отличить ее от всех прочих элементов составляющей, в этой теории на протяжении долгого времени не удавалось. Как следствие, порождающая грамматика начала сталкиваться со значительными трудностями с того момента, когда впервые был предложен нестандартный анализ некоторых составляющих, рассматривающий в качестве их вершин не те элементы, которые без обсуждения считались таковыми и ранее (см. ниже, о статьях Корбетта, Рэдфорда, Пэйна, Винсента).

Это привело к тому, что с середины 80-х гг. понятие вершины, после долгого перерыва, вновь стало активно обсуждаться. Дискуссия о вершинах началась со статьи [2]. А. Цвики, стремясь, по возможности, строить свои рассуждения вне контекста той или иной из существующих синтаксических теорий, представил список свойств, традиционно относимых к вершинам. Вот важнейшие из этих свойств:

(2) 1) способность быть "морфосинтаксическим локусом", т.е. нести на себе все грамматические маркеры, сигнализирующие о связи данной составляющей с другими составляющими предложения;

2) способность управлять зависимыми, т.е. накладывать ограничения на их форму и значение;

3) обязательность, т.е. невозможность произвольного опущения;

4) совпадение дистрибуции вершины с дистрибуцией всей составляющей ("дистрибутивный эквивалент");

5) способность выступать в качестве семантического аргумента, но не семантического предиката по отношению к прочим элементам составляющей;

6) контроль согласования.

Цвики показал, что в ряде составляющих английского языка, прежде всего в составляющих "вспомогательный глагол (Aux) + глагольная группа (VP)", "детерминатор (Det) + именная группа (NP)" (к детерминаторам относятся артикли и некоторые заменяющие их элементы в препозиции к именной группе), "союз (complementizer — Comp) + зависимое предложение" указанные

свойства распределены между различными элементами. Цвики сделал вывод, что традиционное понятие вершины лингвистически нерелевантно и что его надо заменить целым рядом понятий, каждое из которых соотносилось бы с одним или несколькими из перечисленных выше свойств (развитие этих идей содержится в статье Цвики в рецензируемом сборнике).

Против этой точки зрения Цвики категорически возразил английский синтаксист Р. Хадсон [3], который предложил несколько другой подход к материалу, исследованному Цвики, и утверждал, что в любой составляющей "вершинные" свойства сконцентрированы на одном элементе. Столь различные результаты, полученные на одном и том же материале, объясняются тем, что Хадсон несколько по-иному, чем Цвики, определял некоторые из перечисленных в (2) понятий. На первый взгляд, технические различия между анализом Цвики и Хадсона (о некоторых из этих различий нам придется говорить ниже, при обсуждении статей сборника) невелики и не имеют принципиального значения при обсуждении проблемы вершин. Тем не менее, именно эти различия привели двух авторов к диаметрально противоположным выводам. Безусловно, это нельзя считать случайностью. Дело в том, что реабилитация понятия вершины была чрезвычайно важна для Хадсона как для одного из наиболее активных апологетов грамматики зависимостей, отрицающего какую-либо значимость составляющих в лингвистической теории и в речи (см. [4–5]; см. также ниже — о статье Хадсона в настоящем сборнике.) Очевидно, что "расщепленность" вершинных свойств была бы одним из самых серьезных аргументов против синтаксиса зависимостей и одновременно в пользу синтаксиса составляющих, ведь построение грамматики зависимостей невозможно при отказе от понятия вершины, тогда как грамматика составляющих может обойтись без этого понятия, подтверждением чему служит грамматика Хомского до принятия X'-теории. Таким образом, дискуссия о вершинах с самого начала оказалась в тесной связи с дискуссией о двух способах синтаксического представления.

В качестве "предыстории" настоящего сборника необходимо упомянуть еще два направления исследований, проводившихся в последние годы. Во-первых, это теория так называемых "функциональных вершин", развивающаяся в рамках порождающей грамматики Хомского с начала 80-х гг. Первоначально было предложено рассмат-

ривать показатель финитности (inflection – I) как вершину содержащего его простого предложения, а подчинительный союз (Comp) – как вершину по отношению к вводимому им зависимому предложению. Таким образом, вершинами, наряду с предлогами, оказались и другие служебные слова. Впоследствии они получили название "функциональных вершин". Такое нововведение, обусловленное некоторыми внутренними нуждами порождающей грамматики, имело и большое содержательное значение: впервые были в простых структурных терминах эксплицированы понятия финитности и субординации. Несколько позже, после статьи [6], вершинами в дереве составляющих стали признаваться многие грамматические категории, такие как наклонение, время и др. Тем самым было сочтено допустимым, чтобы вершины не имели лексических коррелятов в структуре предложения (в большинстве случаев каждой из таких вершин соответствует лишь отдельная морфема). Наличие в дереве составляющих функциональных вершин наряду с лексическими в настоящее время не вызывает дискуссий среди генеративистов. Однако среди последователей Хомского нет единодушия относительно принципов выделения функциональных вершин, а также их роли в предложении. Что же касается лингвистов, не принадлежащих к генеративистской парадигме, то для большинства из них выделение функциональных вершин, количество которых непрерывно растет, есть свидетельство увлеченности хомскианцев абстрактными квазиматематическими построениями в противовес реальным языковым фактам. Дискуссия о функциональных вершинах частично отражена и на страницах сборника.

Во-первых, в связи с дискуссией о вершинах заслуживают упоминания и типологические исследования Дж. Николс (см. прежде всего [7]), выделившей в качестве отдельных классов языки с грамматической маркировкой вершин (head-marking languages) и языки с грамматической маркировкой зависимых (dependent-marking languages). Данное типологическое разбиение достаточно детально обсуждается в рецензируемом сборнике в статьях Николс и Винсента.

В сборнике, после предисловия составителей, кратко характеризующего основные вехи дискуссии о вершинах и основные темы сборника, помещаются 12 статей лингвистов из Великобритании и США, обсуждающие различные аспекты понятия вершины. Статья Гревилла Корбетта "Вер-

шина русских числовых выражений" ("The head of Russian numeral expressions") представляет собой попытку "испытания" подходов Хадсона и Цвики на сложном языковом материале. В качестве "полигона" для такого испытания автор избрал русские числовые выражения с числительными от двух до четырех (например, *два журнала, четыре книги*), где однозначное определение вершины затруднено нестандартным типом согласования и падежного оформления: в косвенных падежах форма существительного совпадает с формой числительного (*двумя журналами, о двух журналах*), тогда как при именительном и винительном падежах числительного существительное стоит в особой падежной форме, которую нельзя отождествить с родительным падежом единственного числа (ср. разницу ударений в формах существительного *час*: *в течение часа* (род. ед.) vs. *два часа*). Это позволяет предположить, что данная особая форма приписывается существительному числительным, как вершиной. С другой стороны, одно из рассматриваемых числительных – *два* – согласуется с существительным по роду (ср. *два журнала* vs. *две книги*), тем самым проявляя свойства не вершины, а зависимого.

Корбетт показывает, что подходы Цвики и Хадсона дадут при анализе этих словосочетаний разные результаты. Истоки этого несовпадения лежат в том, что два исследователя по-разному трактуют свойства синтаксических единиц, позволяющие отнести их к зависимым или вершинам. Это можно проиллюстрировать на примере свойства дистрибутивной эквивалентности. По Цвики, дистрибутивный эквивалент должен совпадать с целым словосочетанием по дистрибуции только на уровне "синтаксических контекстов", а на уровне морфологического оформления полного совпадения не требуется. При таком подходе дистрибутивным эквивалентом рассматриваемых числовых выражений следует признать существительное, поскольку изолированное существительное может употребляться во всех контекстах, в которых возможно употребление числового выражения. Можно было бы возразить, что существительное и числовое выражение, будучи употреблены в одних и тех же контекстах, требуют разного глагольного согласования: числовое выражение, в отличие от существительного, допускает согласование как по множественному, так и по единственному числу, ср.: *приехал автомобиль* vs. *приехали/приехали два автомобиля*. Однако, в рамках подхода

Цвики эти различия не имеют принципиального значения, так как относятся к морфологии. Наоборот, данные различия имели бы большое значение для Хадсона, который считает, что контексты употребления словосочетания и его дистрибутивного эквивалента должны совпадать вплоть до морфологических характеристик. В рамках подхода Хадсона дистрибутивным эквивалентом русских числовых выражений следовало бы признать числительное, которое может употребляться на месте числового выражения в эллиптических контекстах, принимаемых Хадсоном во внимание.

Подобного рода расхождения, как показывает Корбетт, имеют место во взглядах двух исследователей и на другие свойства, традиционно закрепляемые за вершинами. В итоге по Хадсону вершиной русских числовых выражений однозначно следовало бы признать числительное, тогда как у Цвики "вершинные" свойства оказались бы распределены между существительным и числительным. В таком результате нет ничего удивительного, ведь Цвики в своих исследованиях как раз и доказывает "расщепленность" вершинных свойств, а Хадсон – их "сосредоточенность" на каком-либо одном компоненте в любом типе словосочетаний.

Далее Корбетт рассматривает согласование и приписывание падежей в числовых выражениях, осложненных прилагательным и/или причастным оборотом. Прилагательные, модифицирующие существительные в числовых выражениях, могут допускать вариативность в падежном оформлении: при именительном (и винительном) падежах числительного они могут либо согласовываться по падежу с существительным (как это они обязательно делают в косвенных падежах), либо оформляться родительным падежом множественного числа, ср. *две интересные книги* vs. *две интересных книги*. Корбетт приводит весьма любопытные статистические данные, согласно которым выбор падежа прилагательного существенным образом зависит от числительного: родительный падеж множественного числа прилагательного очень вероятен при числительном *четыре*, несколько менее вероятен при числительном *три* и еще менее вероятен при числительном *два*. С другой стороны, на выбор падежа прилагательного влияет и существительное: при мужском и среднем родах существительного вероятность родительного падежа множественного числа прилагательного выше, чем при женском роде. Несмотря на эту очевидную зави-

симость падежа прилагательного от характеристик существительного, Корбетт считает, что адекватный анализ этих выражений возможен, если их вершиной признать числительное: поскольку числительное *два* согласуется с существительным по роду, можно считать, что признак рода, влияющий на выбор падежа, является также приобретенным признаком числительного, и, следовательно, приписывание падежа зависит только от числительного, как от вершины. Такое решение вполне согласуется с подходом Хадсона. В духе Цвики, напротив, предпочтительной была бы иная интерпретация: на выбор падежа прилагательного влияет как числительное, так и существительное, т.е. оба "вершинообразные" элемента сочетания. Корбетт, однако, фактически доказывает, что такое решение неудовлетворительно. Для этого он рассматривает числовые выражения, в которых существительное модифицируется двумя определениями – препозитивным и постпозитивным. Из четырех логически возможных комбинаций падежных признаков грамматичными оказываются только три:

- (3) а. *две интересные книги, прочитанные Иваном*
- б. *две интересных книги, прочитанные Иваном*
- в. **две интересных книги, прочитанных Иваном*
- г. *две интересных книги, прочитанных Иваном*

Как утверждает Корбетт, если бы на выбор падежа причастия равным образом влияли бы и числительное, и существительное, то нельзя было бы объяснить, почему возможно сочетание (3б), но невозможно сочетание (3в): действительно, если и существительное, и числительное имеют некоторые признаки, релевантные при выборе падежа прилагательного, и эти признаки приходят в конфликт (в (3б–в) женский род существительного делает высоковероятным именительный падеж, а числительное *два* – родительный падеж множественного числа прилагательного), то неясно, почему на одном из прилагательных этот конфликт не может разрешиться по-иному, чем на другом прилагательном, модифицирующем то же самое существительное, и какую роль при выборе падежа может играть линейный порядок этих прилагательных относительно друг друга. Если же считать, что за приписывание падежей в подобных случаях целиком "ответственно" числительное, как вершина словосочетания,

то указанное ограничение получает вполне естественное объяснение: в сочетаниях типа (3b) у вершины — числительного — есть два зависимых: сочетание "прилагательное + существительное" и причастный оборот. Причастию числительное может приписать только именительный падеж, а в падежном оформлении именной группы наблюдается вариативность, истоки которой были описаны выше.

В целом, как видим, Корбетт одобряет тот вариант анализа, который согласуется с концепцией Хадсона, поскольку признает числительное единственной вершиной числового выражения. При этом, однако, Корбетт делает замечание о "градуальности" понятия вершины (с. 32) — замечание, неизбежное при обсуждении русских числовых выражений и при этом скорее согласующееся как раз со взглядами Цвики, а не его оппонента. В заключение отмечу, что хотя аргументы Корбетта весьма серьезные, их нельзя считать исчерпывающими — вспомним хотя бы не менее убедительную аргументацию в пользу имени как вершины числового выражения в [8].

Статья Б. Комри "Фонология вершин в языке харуаи" ("The phonology of heads in Haruai") посвящена анализу особенностей вершин в одном из языков Папуа Новой Гвинеи. Автор показывает, что вершины в этом языке регулярно получают менее сильное ударение, чем зависимые. Эта закономерность ясно прослеживается в харуаи в разноструктурных составляющих. Исследование Комри не затрагивает тех теоретических проблем, которые оказываются в центре внимания прочих статей сборника. Автор демонстрирует, что во многих случаях вершины, наряду с типологически релевантными свойствами, могут иметь свойства, уникальные для того или иного языка, и эти свойства, будучи независимыми свидетельствами в пользу отнесения того или иного элемента к вершинам, позволяют проверить, насколько к данному языку приложимо универсальное грамматическое понятие вершины.

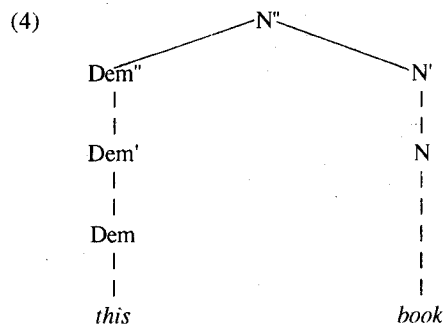
Статья Р. Кэнна "Эталоны вершинности" ("Patterns of headedness") представляет собой попытку ревизии X'-теории с целью более полного отражения в ней свойств вершин. Как отмечает автор, в своем общепринятом варианте X'-теория предполагает абсолютную идентичность дистрибутивных свойств вершины и содержащей ее составляющей. Кроме того, X'-теория постулирует обязательность вершины, невозможность ее произвольного (не эллиптического) опущения. Эти свойства вершин, согласно X'-

теории, сочетаются с их способностью к субкатегоризации, т.е. к присоединению логических аргументов в качестве дополнений (complements) с приписыванием им определенной семантической роли (theta-роли). Такие исходные посылки X'-теории оправданы для "классического" случая вершин, например, для глагола (V) как вершины глагольной группы (VP) в английском языке. В некоторых других словосочетаниях, однако, "вершинные" свойства оказываются распределенными между несколькими элементами. Это относится прежде всего к тем словосочетаниям, в которых порождающая грамматика последних лет усмотрела иное по сравнению с традиционным направление зависимостей. Например, в сочетании "детерминатор + именная группа" ([the [house of a friend]]) детерминатор, подобно классической вершине, накладывает ограничения на форму имени (более точно, на его число — например, неопределенный артикль "a" не сочетается с именными группами во множественном числе); в других важных аспектах, однако, детерминатор и имя симметричны по отношению друг к другу: напр., и детерминатор и имя являются дистрибутивным эквивалентом именного словосочетания, поскольку, с одной стороны, имена могут употребляться без детерминатора (как имена собственные в английском языке), а с другой стороны, некоторые детерминаторы (напр., *some, few*) могут употребляться без имени (подробнее о проблеме вершины именных выражений в порождающей грамматике см. ниже). Чтобы подобные явления согласовывались с X'-теорией, Кэнн определенным образом дополняет ее формальный аппарат. В результате синтаксическая обязательность некоторого элемента не следует непосредственно из того, что он является вершиной, а предопределяется механизмом индексирования узлов дерева составляющих. Этот механизм, однако, не распространяется на вершины, приписывающие своему дополнению семантическую роль (theta-роль) — они не могут быть опущены ни при каких обстоятельствах. Отсюда асимметрия между "классическими" вершинами типа глагола и такими вершинами, как, например, детерминаторы: последние не приписывают дополнению (именной группе) семантической роли, и поэтому возможны "нулевые" детерминаторы, в отличие, например, от "нулевых" глаголов (всякий нулевой элемент, согласно постулированному Кэнну принципу, должен впослед-

вии быть коиндексирован с каким-либо фонетически выраженным элементом, но удовлетворить этому требованию – не более чем дело техники для современной порождающей грамматики с ее развитым формальным аппаратом).

Исследуя далее дистрибутивные свойства английских словосочетаний, Кэнн замечает, что дистрибутивным эквивалентом сочетаний "указательное местоимение + существительное" (*this house*) может быть как существительное, так и указательное местоимение, допускающее одиночное употребление.

Кэнн предлагает считать, что указательное местоимение занимает позицию спецификатора, и дополняет свой формальный аппарат таким образом, чтобы всегда разрешалось опущение вершины при заполненной позиции спецификатора:

Кэнн помещает в позицию спецификатора и все прочие элементы, разделяющие с вершиной часть ее дистрибутивных свойств. Так, спецификатором составляющей "Aux + VP" Кэнн объявляет Aux, способный, наряду со смысловым глаголом, быть дистрибутивным элементом составляющей.

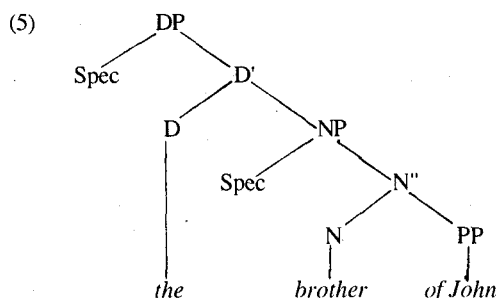
Не ставя под сомнение остроумие данного решения, как и некоторых других конкретных предложений Кэнна, отмечу, что его подход нарушает некоторые важные, и, на мой взгляд, имеющие наибольшую метатеоретическую ценность положения X'-теории. А именно, в позиции спецификаторов у Кэнна регулярно оказываются не составляющие, имеющие потенциально неограниченную возможность ветвления, т.е. присоединения зависимых сколь угодно большой линейной длины, а, по сути, отдельные лексические элементы, не способные присоединять никаких зависимых (или, по крайней мере, не способные к рекурсивному ветвлению, несмотря на маргинальную возможность нерекурсивных зависимых в сочетаниях типа *exactly this*

book). Несмотря на то, что, например, на схеме (4) указательному местоимению соответствует целая составляющая (Dem''), позиции дополнения и спецификатора этой составляющей в нормальном случае не заполняются, и тем самым постулирование категории Dem'' на месте Dem – всего лишь ловкий трюк формальной теории. Напомню, что именно неспособность определенных синтаксических элементов к рекурсивному ветвлению была причиной отнесения их некоторыми исследователями к вершинам. И хотя последнее решение представляется вовсе не безупречным (см. ниже, о статье Рэдфорда), введение неветвящихся зависимых в порождающую грамматику возможно только после экспликации тех факторов, которые ограничивают ветвление. Принятое в X'-теории допущение, согласно которому все зависимые способны неограниченно ветвиться, делает эту теорию очень удобной для решения многих конкретных лингвистических задач, в частности, для описания ограничений на порядок слов (см. [9]). Кроме того, неясно, насколько эффективным окажется на практике принцип Кэнна, согласно которому один элемент в коиндексированной цепочке элементов дерева зависимостей должен быть фонетически выражен. На первый взгляд, этот принцип должен был бы ограничить тот бурный рост числа функциональных категорий, который наблюдается в последние пять лет в порождающей грамматике. Однако нетрудно догадаться, что коллегам Кэнна легко будет "обойти" этот принцип, постулируя разнообразные передвижения элементов через позиции вершин (*head-to-head movement*).

Теория "функциональных вершин" имеет целый ряд особых следствий в приложении к именной группе (NP). Прежде чем остановиться на статьях сборника, посвященных этой проблематике, позволим себе кратко изложить историю вопроса.

Если при традиционном подходе вершиной NP безоговорочно признавалось имя, то современная порождающая грамматика, вслед за [10], рассматривает сочетание имени и его модификаторов как сложную структуру, состоящую из вложенных друг в друга составляющих с разными вершинами. Справедливо отмечая, что артикль в английском языке занимает особую структурную позицию, в которой он может чередоваться с весьма ограниченным набором слов, таких как *many*, *few*, *some* и некоторыми другими, также причисляемыми к детерминаторам и что эта позиция

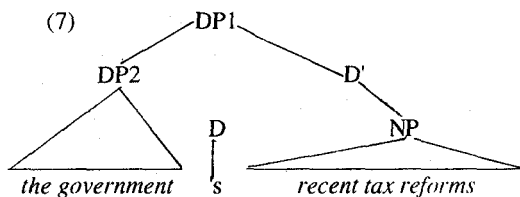
соответствует абсолютному началу составляющей (где в английском языке регулярно располагаются именно вершины, а не их зависимые), адепты порождающей грамматики сделали вывод, что детерминатор является вершиной составляющей, в которой он содержится. Составляющая эта, соответственно, получила название "группа детерминатора" (determiner phrase – DP). Так, английскому словосочетанию *the brother of John* приписывается следующая НС-структура, в которой артикль, будучи вершиной всего сочетания, присоединяет NP в качестве дополнения:

Одновременно было замечено, что английский препозитивный генетив с окончанием 's исключает употребление артикля перед определяемым им именем (см. [10, с. 79]), ср.:

- (6) a. [the government's] recent tax reforms
 b. *the [government's] recent tax reforms

На этом основании было предложено считать, что элемент 's также занимает позицию детерминатора и, следовательно, вершины всей составляющей. Составляющая со значением посессора (также, в свою очередь, анализируемая как "группа детерминатора") в соответствии с этим должна быть признана спецификатором:

Как видим, основные соображения, первоначально побудившие к анализу именной составляющей как "группы детерминатора" были основаны на внутренних свойствах этого синтаксического комплекса, а не на его "внешних", прежде всего – дистрибутивных свойствах. Впоследствии на ана-

логичных основаниях в качестве вершин по отношению к имени, наряду с детерминаторами, стали рассматриваться прочие неветвящиеся элементы, линейно предшествующие имени в английском языке (числительные, квантификаторы и др.).

В рецензируемом сборнике проблеме синтаксического представления именной группы целиком посвящены две статьи. Статья Э. Рэдфорда "Охота за вершинами: в погоне за именным двуликим Янусом" ("Head-hunting: on the trail of the nominal Janus") написана в русле современной порождающей грамматики. В ней автор развивает те идеи, которые послужили в свое время основанием для выделения "группы детерминатора". Рэдфорд признает вершинами все неветвящиеся элементы, линейно предшествующие существительному в составе именного комплекса. Особенно детально Э. Рэдфорд обосновывает такую интерпретацию для препозитивных прилагательных. Основным аргументом Рэдфорду здесь служит то, что препозитивные прилагательные не могут ветвиться так, как постпозитивные, ср.:

- (8) a. resources available to us
 b. *available to us resources
 c. available resources

В (8a) сочетание *available to us resources* представляет собой группу прилагательного (AP), в которой предложная группа *to us* занимает позицию дополнения. Однако если постулировать аналогичную структуру в (8c), то потребует отдельного объяснения тот очевидный факт, что прилагательные типа *available*, находясь в позиции перед существительным, не могут присоединять дополнений, заполняющих их семантические валентности (вследствие чего и недопустимо сочетание (8b)). Рэдфорд заранее считает, что попытки найти объяснение этому ограничению в рамках "одновершинного" анализа NP обречены на провал, и поэтому предлагает считать, что препозитивное прилагательное является вершиной и присоединяет именную группу в качестве своего дополнения (из этого следует, что оно не может присоединять никаких других дополнений, типа предложной группы в (8b)). Сочетаниям (8a) и (8c) приписываются структуры (9a) и (9b), соответственно:

- (9) a. [NP [N resources] [AP [A available] [PP to us]]]
 b. [AP [A available] [NP [N resources]]]

Аналогичные доводы приводит Рэдфорд и в пользу анализа детерминаторов и кван-

тификаторов в качестве вершин. В результате структура, традиционно рассматривавшаяся как единая именная группа, получает синтаксическое представление, включающее большое количество последовательно доминирующих друг над другом вершин, например:

- (10) [DP *these* [QP *five* [AP *big* [NP *apples* [PP *of John*]]]]]

Итак, Рэдфорд, как и его коллеги-генеративисты, обосновывает "многовершинный" подход исключительно внутренними свойствами именного комплекса. Он признает, что основной контрдовод против данного анализа – это единство дистрибутивных свойств группы детерминатора, группы квантификатора, группы прилагательного и собственно именной группы. Единство этих свойств естественно объяснить через наличие у всех указанных составляющих одного общего элемента – имени. Следовательно, если не считать имя вершиной, неизбежно теряется важное обобщение. Поэтому Рэдфорд предлагает различать у сложных составляющих такого рода две вершины – "непосредственную вершину" (*immediate head*) и "конечную вершину" (*ultimate head*). Непосредственной вершиной словосочетания является вершина, расположенная выше других в дереве составляющих (детерминатор в последнем примере), а конечной вершиной – вершина, над которой доминируют все прочие вершины некоторого синтаксического комплекса (имя в последнем примере). Свойства комплексной составляющей определяются свойствами этих двух вершин. Я не буду останавливаться здесь на вопросе о том, насколько приемлемо такое решение в рамках формальной грамматической теории (сходные решения данной проблемы предлагались в порождающей грамматике и ранее, ср. [11]). Более существенным является то, что исходные аргументы Рэдфорда в пользу "вершинной" природы приименных модификаторов представляются все же недостаточными. Возможность ветвления ограничена у многих модификаторов, причем не только у приименных, и, на мой взгляд, полезнее было бы выявить природу этих ограничений, а не уходить от этой задачи, априорно объявив все неветвящиеся модификаторы вершинами по отношению к семантически модифицируемым ими элементам. Тем не менее выносить окончательный вердикт по поводу "многовершинного" подхода к именным составляющим преждевременно: по крайней мере для группы детерминатора Рэдфорд

показывает, что она все же отличается от именной группы, не имеющей при себе детерминатора, и по ряду дистрибутивных свойств. Кроме того, как уже отмечалось выше, если слова типа *few* и *many* признать детерминаторами, то неизбежно констатировать, что детерминаторы, наряду с именами, могут быть дистрибутивными эквивалентами именных словосочетаний.

Оппонентом "многовершинного" подхода выступает в сборнике Д. Пэйн. В статье "Вершины в именной группе: сражая именную гидру" ("The headedness of noun phrase: slaying the nominal hydra") он приводит ряд аргументов в пользу имени как единственной вершины именной составляющей. Аргументы Пэйна, в отличие от Рэдфорда, основаны преимущественно на "внешних" свойствах именных групп. В частности, автор отмечает, что глаголы, присоединяющие именные составляющие, различаются по типам имен, которые они могут присоединять, но не по типам детерминаторов. Это обстоятельство является наиболее серьезным свидетельством в пользу "вершинности" имени. К этим же выводам приводят многие особенности порядка слов, например, ограничение на правостороннее расположение зависимых элементов именной группы в австралийском языке вальбири, а также ряд других фактов разнотипных языков. Примечательно, что Пэйн, в отличие от Рэдфорда, строит свое исследование на богатом типологическом материале, а не ограничивает рамки своего анализа языками "европейского стандарта". В связи с этим отмечу, что нет каких-либо априорных оснований считать категории типа "группа детерминатора" либо универсальными, либо вовсе не существующими. Типологическое разнообразие структур составляющих уже давно признано допустимым в порождающей грамматике (ср. [12–13]), где наличие и отсутствие глагольной группы признается параметром, по которому различаются естественные языки. Вовсе не исключено, что такого же рода "параметром" может оказаться и наличие группы детерминатора.

Статья Н. Винсента "Маркировка вершины vs. маркировка зависимого: случай простого предложения" ("Head- versus dependent-marking: the case of the clause") посвящена поиску путей интеграции теории функциональных вершин и типологической концепции Дж. Николс, основанной на противопоставлении языков с маркировкой зависимых, с одной стороны, и языков с маркировкой вершин, с другой. Как справедливо отмечает сам Винсент, между

этими двумя направлениями существуют настолько серьезные различия, что, казалось бы, впору говорить об их полной несовместимости. Действительно, для Николс такие компоненты языковой структуры, как союзы, предлоги/послелоги, падежные маркеры и т.д., суть вспомогательные элементы, сигнализирующие направление синтаксической зависимости, тогда как в современных версиях порождающей грамматики эти "функциональные" элементы интерпретируются как вершины отдельных составляющих (см. выше). Кроме этих формальных отличий, между двумя подходами существуют и очень серьезные содержательные расхождения: порождающая грамматика описывает большинство синтаксических процессов внутри простого предложения (например, приписывание абстрактных падежей) как воздействие вершины на зависимое, в то время как данные Николс показывают, что в языках мира грамматическая маркировка вершины распространена значительно больше, чем маркировка зависимого. Тем не менее, как пытается показать Винсент, два подхода в ряде важных аспектов согласуются между собой. Это видно на примере отношения зависимого предложения и вводящего его союза. Если союз считать вершиной, а предложение – его зависимым (как это делается в порождающей грамматике), то для Николс это означало бы, что союз, как вершина, может быть "мишенью" определенной грамматической маркировки со стороны зависимого предложения. Именно это, как показано в статье Винсента, происходит в целом ряде языков. Например, в некоторых арабских диалектах союз согласуется с актантами зависимого предложения по лицу и числу. Примеры такого рода (в статье Винсента их приведено достаточно много) показывают, что признание служебных элементов вершинами отдельных составляющих не противоречит результатам, полученным Николс. И все же следует отметить, что приводимые Винсентом факты весьма маргинальны: союзы и прочие служебные слова крайне редко маркируются как вершины в языках мира. Представляется, что это обстоятельство ни в коей мере не противоречит результатам, полученным Николс: Николс рассматривает лишь эндоцентрические составляющие, и в них, действительно, маркировка вершины распространена не менее, а быть может, и более, чем маркировка зависимого. Что же касается экзоцентрических составляющих, то на них результаты Николс, видимо, распространяются в

меньшей мере (хотя собранные Винсентом факты согласования союзов с вводимыми ими зависимыми предложениями, безусловно, очень ценны).

Как отмечает далее Винсент, "вершинный" статус многих служебных элементов хорошо согласуется с их этимологией, поскольку чаще всего служебные элементы исторически восходят к полнозначным лексическим единицам. В этом автор видит основу для взаимодействия порождающей грамматики и еще одного из современных направлений функционализма – теории грамматикализации. Последняя изучает происхождение служебных слов и прочих грамматических маркеров из полнозначных слов. Поскольку полнозначные слова, из которых впоследствии развились служебные, как предполагает Винсент, были вершинами по отношению к вводимым ими выражениям, то если признать служебные слова вершинами, получится, что направление зависимости в ходе исторической деривации не изменилось. Это, по Винсенту, может служить серьезным аргументом в пользу реконструкции деривационных процессов, предлагаемой теорией грамматикализации. В связи с этим отмечу, что усматриваемая Винсентом параллель все же не универсальна: как показано в [14], артикли, признаваемые в порождающей грамматике, наряду с другими детерминаторами, вершинами по отношению к имени, в ходе грамматикализации развивались не из вершин, а из местоименных модификаторов, зависимых от имени.

В целом, несмотря на приведенные выше частные замечания, статья Винсента представляется весьма оригинальной и серьезной попыткой найти пути взаимодействия между на первый взгляд весьма далекими друг от друга научными парадигмами.

Статья Дж. Николс "Вершины в дискурсе: структурный приоритет vs. функциональный приоритет" ("Heads in discourse: structural versus functional centrality") выделяется среди других статей сборника нестандартностью постановки задачи и метода исследования. Николс стремится показать, что, наряду со структурными приоритетами, у грамматических элементов имеется отдельная шкала функциональных приоритетов, и распределение функциональных приоритетов не всегда изоморфно распределению структурных приоритетов. В качестве свидетельства функциональной приоритетности некоторого элемента синтаксической структуры Николс рассматривает невозможность или трудность его опущения в тексте. Если некоторая составляющая в

результате различного рода сокращений может быть представлена в тексте одним зависимым элементом (без вершины), то такая составляющая является функционально экзоцентрической, поскольку в ней функционально наиболее значимый элемент не совпадает с вершиной. Составляющие же, в которых зависимые могут опускаться, а вершина – не может, называются функционально эндоцентрическими. Функциональная экзоцентричность /эндоцентричность противопоставлена, по Николс, структурной экзоцентричности/ эндоцентричности. Последнее свойство связано с "абстрактными грамматическими признаками и дистрибутивными особенностями составляющих и их вершин", тогда как функциональные свойства составляющих и вершин относятся к их реальному употреблению в дискурсе. В этой связи следует отметить, что доводы Николс были бы убедительнее, если бы она ограничила конкретный тип функциональной приоритетности, который она рассматривает. Невозможность опущения составляющей, на наш взгляд, свидетельствует лишь о некотором классе закрепленных за ней функциональных приоритетов. Наоборот, в ряде случаев возможность или желательность опущения (или иной редукции) составляющей свидетельствует скорее о ее "центральнойности" в тексте, т.е. как раз о функциональной приоритетности. Так, в большом количестве языков возможность опущения NP в независимом предложении прямо пропорциональна "тематичности" (topicality) данной NP, а тематичность, бесспорно, представляет собой частную разновидность функциональной "центральнойности" (ср. [15]). Николс рассматривает возможность опущения глагола и именных групп в составе независимого предложения в четырех языках – английском, русском, чеченском и в языке нунгубу (Австралия). По наблюдениям Николс, в русском языке достаточно свободно происходит опущение вершины (глагола), а опущение NP, приводящее к изоляции глагола, нежелательно. Обратная картина наблюдается в чеченском языке. В английском возможно и опущение вершины, и опущение зависимого. В нунгубу также возможны оба процесса, но изоляция вершины идет легче. Недостатком приводимого в работе Николс материала является то, что автор рассматривает в одном ряду как случаи опущения зависимых или вершин, которые обусловлены достаточно широким контекстом употребления данного предложения (напр., редукция составляющих в ответах на вопросы, в высоко конвенциализованных предложениях типа поздравлений и приветствий и т.д.), так и случаи явно синтаксически обусловленной редукции составляющих (gapping, right node raising и т.д.). На мой взгляд, функциональная приоритетность любого элемента может быть адекватно определена только по его поведению в контекстах с невысокой степенью грамматикализованности. В результате исследования Николс приходит к выводу, что функциональная эндоцентричность/экзоцентричность некоторой составляющей не находится во взаимоднозначном соответствии с каким-либо ее структурным свойством. Николс приводит достаточно много свойств, которые могли бы коррелировать с функциональной экзоцентричностью/эндоцентричностью, но выявление их конкретного влияния на этот параметр языковой структуры – задача дальнейшего исследования.

Статья Р. Борсли "Грамматика фразовой структуры с доминантностью вершин" ("Heads in head-driven phrase structure grammar") анализирует свойства вершин в рамках одной из современных синтаксических теорий, основывающихся на структуре составляющих как способе синтаксического представления (см. об этой теории [16]). В рамках этой теории вершины и возглавляемые ими составляющие совпадают по всем признакам, кроме количества валентностей: если часть валентностей вершины заполнена внутри составляющей, то составляющая в целом, естественным образом, уже не имеет этих валентностей. В ряде случаев, однако, важно, чтобы количество валентностей вершины и составляющей совпадало. Например, при адъюнкции, т.е. присоединении к некоторой составляющей второстепенного модификатора, число валентностей составляющей, к которой присоединяется данный модификатор, должно совпадать с числом валентностей составляющей, образовавшейся в результате адъюнкции. Необходимость такого совпадения можно было бы оговорить в специальном правиле. Однако Борсли исходит из того, что всякое совпадение свойств составляющей и ее вершины должно требоваться по умолчанию, а правила должны, напротив, оговаривать случаи несовпадения их свойств. Поэтому Борсли предлагает видоизмененную версию head-driven phrase structure grammar, в которой, в частности, утверждается, что у составляющей и ее вершины в немаркированном (default) случае должны совпадать все свойства, включая и число валентностей, а специальные правила указывают, в каких условиях этот принцип может нарушаться

(например, в том числе, когда составляющая включает зависимые, заполняющие часть валентностей вершины). Далее Борсли показывает, что принцип, согласно которому свойства составляющей и вершины совпадают по умолчанию, но могут различаться в результате действия специальных правил (точнее – при определенном типе зависимых), оказывается полезным и в других грамматиках, основывающихся на структуре составляющих, прежде всего – в порождающей грамматике Хомского.

Интересно отметить, что к выводу о возможном несовпадении свойств вершины и возглавляемого ею синтаксического комплекса приходят и некоторые другие авторы сборника, работающие в рамках иных синтаксических теорий. В частности, этот вывод делается в статье С. МакГлэшена "Вершины и лексическая семантика" ("Heads and lexical semantics"), посвященной проблеме формализации семантических отношений между вершинами и зависимыми. Обычно эти отношения эксплицируются как связь функтора и аргумента (ср. [17]). При этом направление отношения в паре "функтор – аргумент" не всегда совпадает с направлением отношения в паре "вершина – зависимое". Действительно, если в сочетании глагола с объектом глагол является и вершиной, и функтором, то в сочетании существительного с прилагательным вершиной является имя, а функтором – прилагательное. Поэтому, как показывает МакГлэшен, описание семантических отношений между вершиной и зависимым в терминах функтора и аргумента неизбежно требует введения отдельных правил, определяющих, в каких случаях функтор соответствует вершине, а в каких – зависимому. Автор предлагает более экономное описание семантического взаимодействия зависимого и вершины. Центральная идея его подхода состоит в том, что в любом словосочетании вершиной является элемент, категориальный семантический признак которого выше на следующей иерархии: "событие > предмет > свойство > модификатор свойства (pre-property)". Тем самым выбор вершины и зависимого целиком предопределяется семантикой элементов соответствующего словосочетания или предложения. Особое внимание МакГлэшен уделяет семантическому взаимодействию между вершиной и зависимым. Стандартная точка зрения на эту проблему состоит в том, что функторы могут менять свое значение в сочетании с различными аргументами, тогда как значение аргументов всегда остается неизменным. МакГлэшен

демонстрирует несостоятельность этой точки зрения на примере сочетаний прилагательных с существительными: в этих сочетаниях оба элемента могут частично изменять значение друг друга в результате семантического взаимодействия. Это еще одно свидетельство в пользу того, что понятия функтора и аргумента лингвистически нерелевантны. МакГлэшен предлагает несложный, но эффективный формальный аппарат, позволяющий описать семантическое взаимодействие между зависимым и вершиной. Его результаты интересны в том отношении, что из них видно, как зависимый элемент может влиять на семантические характеристики вершины, вопреки традиционной точке зрения, что семантические признаки вершины целиком совпадают с семантическими признаками возглавляемого ею словосочетания, и как этот процесс может быть описан в рамках грамматики зависимостей.

Статья Дж. Хокинса "Вершины, грамматическое распознавание и универсалии порядка слов" ("Heads, parsing and word order universals") представляет собой исследование роли вершин в универсальных ограничениях на порядок слов, природу которых автор подробно анализирует в других своих работах (см. прежде всего [9]). Критический анализ гринберговских универсалий порядка слов в свое время позволил Дж. Хокинсу сформулировать наиболее общую закономерность порядка слов внутри составляющей, объясняющую как универсалии, так и возможности типологической параметризации порядка слов. Эта закономерность, названная автором "Early immediate constituents" (EIC), состоит в том, что при оптимальном порядке слов промежуток между началом распознавания первой непосредственной составляющей некоторой синтаксической единицы и окончанием распознавания последней непосредственной составляющей этой синтаксической единицы должен быть сведен к минимуму. Поэтому, например, английское предложение (11a) значительно менее приемлемо, чем (11б), в котором промежуток между началом распознавания глагольной группы и окончанием распознаванием ее самой правой непосредственно составляющей неоправданно велик:

- (11) а. I [gave [to Mary] [the valuable book that was extremely difficult to find]]
 б. I [gave [the valuable book that was extremely difficult to find] [to Mary]]

Хокинс обращает внимание на то, что многие составляющие могут быть распознаны не только в результате распознавания вершин, но и в результате распознавания некоторых других своих элементов. Так, английская NP (в классическом понимании этого термина) может быть распознана и через распознавание имени, и через распознавание детерминатора. Составляющая "Aux + VP", какой бы ее элемент мы ни считали вершиной, может быть распознана и через вспомогательный, и через смысловой глагол. Наконец, глагольная группа (в английском языке) может быть распознана как через глагол, так и через имя в косвенном падеже. Следовательно, множество элементов, достаточных для распознавания их доминирующих категорий, шире, чем множество вершин (или элементов, традиционно интерпретирующихся как вершины). Далее Хокинс показывает, что ограничения на порядок, следующие из защищаемого им принципа Early Immediate Constituents, касаются расположения не вершин, а именно элементов, позволяющих идентифицировать категорию составляющей, в которую они входят. Множество таких элементов в некотором языке может оказаться шире, чем множество вершин, хотя, безусловно, включает последнее. Важнейшая закономерность, вытекающая из принципа EIC, состоит в том, что в любом языке либо на левой, либо на правой периферии всякой составляющей регулярно оказывается элемент, достаточный для распознавания ее категориальной принадлежности. Этим, по Хокинсу, достигается быстрота синтаксического распознавания. Языки различаются между собой тем, какая конкретно из этих двух позиций является предпочтительной и насколько последовательно соблюдается данное предпочтение в разных типах составляющих.

Выявленную Хокинсом закономерность удобно показать на примере глагольной группы во многих германских языках, в частности в немецком. Стандартно в этих языках элементы, достаточные для распознавания доминирующих категорий, стремятся к компактному расположению в начале предложения и поэтому, как правило, находятся в начале своих составляющих (артикл располагается в абсолютном начале NP, союз – перед зависимым предложением и т.д.). Однако в глагольной группе возможны альтернативы порядка слов: в независимых предложениях NP в косвенных падежах располагаются после глагола, а в зависимых предложениях – перед глаголом. Оба эти порядка

вполне объяснимы на том основании, что как глагол, так и имя в косвенном падеже достаточны для распознавания составляющей, в состав которой они входят, т.е. глагольной группы. Правило состоит в том, что какой-то один из этих элементов обязательно должен находиться в начале составляющей. Точно так же, например, в английском языке, где глагол всегда стоит в начале глагольной группы, а подчинительный союз – в начале зависимого предложения (глагол и союз являются единственными элементами, позволяющими распознать глагольную группу и зависимое предложение соответственно), именная группа (в традиционном понимании) начинается не именем, а артиклем. Для Хокинса из этого ни в коей мере не следует, что артикл в английском языке является вершиной по отношению к имени. Нахождение артикла в абсолютном начале именной группы объясняется тем, что артикл достаточен для распознавания категориальной принадлежности составляющей, в которой он содержится – действительно, артикл может употребляться только в составе ИГ. Тем самым сохраняется важнейшее для английского языка обобщение: в начале составляющей находится элемент, достаточный для ее распознавания.

Аргументация Хокинса в пользу предложенной им версии универсального описания закономерностей порядка слов весьма убедительна. Хокинс демонстрирует недостатки сложившегося под влиянием Дж. Гринберна подхода к описанию порядка слов, опирающегося исключительно на асимметрию "вершина – зависимое". Отрицая, тем самым, эксклюзивную роль вершин в закономерностях порядка слов, Хокинс идет еще дальше, а именно предполагает, что большинство свойств, традиционно приписываемых вершинам, на самом деле суть свойства элементов, достаточных для распознавания доминирующих категорий. Это смелое предположение позволяет объяснить многие случаи "расщепления" вершинных свойств, столь подробно анализируемые в других статьях сборника. Так, расщепление вершинных свойств между именем и детерминатором в английском языке можно объяснить тем, что оба элемента достаточны для распознавания доминирующей над ними категории, т.е. NP. Все или почти все свойства, традиционно приписываемые вершинам, Хокинс считает в действительности принадлежащими таким элементам. За собственно вершинами Хокинс оставляет только одно свойство – способность "передавать" (percolate) свою

категориальную принадлежность всей составляющей в целом. Выводы Хокинса особенно интересны еще и потому, что автор основывается не столько на данных о языковой компетенции, сколько на особенностях функционирования языка, и прежде всего – на особенностях распознавания синтаксических категорий, производящегося слушающим при анализе речи.

Статья Р. Хадсона "Существуют ли вершины у нас в сознании?" ("Do we have heads in our minds?") представляет собой апологию разрабатываемой автором грамматической теории, основанной на синтаксисе зависимостей и отрицающей значимость составляющих для структуры естественного языка. На взгляд Хадсона, практически во всех современных синтаксических теориях, за исключением предложенной им самим (см. [3]), понятие вершины не имеет самостоятельного значения. Для автора, однако, очевидна психолингвистическая значимость этого понятия. Чтобы проиллюстрировать ее, Хадсон анализирует сравнительную трудность для анализа английских вопросительных и относительных предложений. По наблюдениям Хадсона, эта трудность зависит от расстояния между вопросительным (или относительным) словом, вынесенным в начало предложения, и вершиной, непосредственно доминирующей над этим словом. Поэтому предложение (12a) воспринимается слушающим значительно легче, чем (12b):

- (12) a. *Who did the dog chase which the farmer bought from the man who used to live next door?*
 b. *Who did the dog which the farmer bought from the man who used to live next door chase?*

При этом, как показывает Хадсон, расстояние между вопросительным словом и позицией, из которой оно выдвинулось при образовании вопроса, не оказывает влияния на сложность анализа. Например, предложение (13a) не сложнее для анализа, чем (13b) поскольку эти два предложения, различаясь по расстоянию между вопросительным словом и позицией, из которой оно выдвинулось, совпадают по расстоянию между вопросительным словом и непосредственно доминирующей над ним вершиной (символом "e" обозначена пустая категория в позиции, из которой выдвинулось вопросительное слово):

- (13) a. *John found the box in which I put the tray [e].*
 b. *John found the box in which I put the tray on which Mary placed the dish [e].*

Итак, для интерпретации конструкций с вопросительными словами слушающему достаточно установить, какой элемент является вершиной, непосредственно доминирующей над вопросительным словом. Связь же между вопросительным словом и его исходной позицией в дереве составляющих не имеет никакого значения при анализе данных предложений слушающим, что свидетельствует, по Хадсону, о нерелевантности структуры составляющих для синтаксического анализа речи.

Вывод Хадсона о том, что структура составляющих не оказывает влияния на относительную трудность анализа предложения слушающим, все же представляется несколько поспешным. В многочисленных исследованиях Дж. Хокинса, в том числе и в его статье в рецензируемом сборнике, приводятся данные, свидетельствующие в пользу того, что порядок слов в предложении регулярно обеспечивает именно быстроту распознавания составляющих (см. выше). Результаты, полученные Хокинсом, не могут быть "переведены" на язык грамматики зависимостей, что особенно ясно видно из тех аспектов теории Хокинса, на которых он концентрирует внимание в своей статье в рецензируемом сборнике (см. выше). Возражения Хадсона против выводов Хокинса, приводящиеся в примечании (с. 289–290), не представляются серьезными. С другой стороны, наблюдения Хадсона, безусловно, имеют значительную ценность. Быть может, они могли бы служить серьезным аргументом в пользу того, что передвижения, подобные выдвиганию влево вопросительного слова, должны описываться не в рамках структуры составляющих, а в рамках какой-либо другой, параллельной ей структуры, как это делается в ряде современных синтаксических теорий.

В заключительном разделе статьи Хадсон приводит ряд аргументов против психолингвистической значимости понятия адъюнкта, т.е. второстепенного модификатора, возможность употребления которого не предопределена валентностными свойствами вершины. В современной порождающей грамматике присоединение к некоторой составляющей (например, к глагольной группе) адъюнкта приводит к усложнению структуры на один дополнительный уровень, однако при анализе предложений с адъюнкцией слушающими никаких дополнительных сложностей не возникает, и на этом основании Хадсон объявляет само понятие адъюнкта излишним. Нельзя не согласиться с тем, что способ представления адъюнктов, принятый

в порождающей грамматике, не самый удачный. Действительно, введение адъюнкта в дерево составляющих приводит к нежелательному результату: синтаксическая структура усложняется, но сложность анализа предложения в речи от этого не увеличивается. Однако противопоставление между адъюнктом и дополнением, заполняющим семантическую валентность вершины, представляется чрезвычайно значимым для описания очень многих грамматических процессов (например, для описания ограничений на различные синтаксические передвижения – см. [18]), и этот факт в настоящее время трудно отрицать даже самым непримиримым противникам хомскианства. Хадсон не указывает на то, каким способом можно было бы различить дополнения и адъюнкты в дереве зависимостей, и не вполне очевидно, насколько вообще это возможно.

Статья А. Цвики "Вершины, базы и функторы" ("Heads, bases and functors") актуальна с двух точек зрения. Во-первых, эта статья – весомая реплика автора в его полемике с Р. Хадсоном о природе вершин (см. выше). Цвики в очередной раз доказывает "расщепленность" вершинных свойств, необязательность их концентрации на одном элементе составляющей. С другой стороны, не менее актуально и то, что в данной статье Цвики строит свою аргументацию на основе поведения вспомогательных глаголов, предлогов, детерминаторов и союзов, т.е. именно тех категорий, "вершинный" статус которых в настоящее время активно обсуждается. "Расщепленность" вершинных свойств особенно ясно видна именно на этом материале. Например, в английской составляющей "вспомогательный глагол + глагольная группа" (Aux + VP) вспомогательный глагол несет на себе согласовательные показатели, т.е. является морфосинтаксическим локусом; и вспомогательный и главный глагол являются обязательными компонентами составляющей; наконец, главный глагол задает семантический класс целой составляющей, предопределяющий ее сочетаемость. Как замечает Цвики, такое или подобное распределение свойств повторяется и в других составляющих, содержащих служебные слова. На этом основании автор предлагает различать три синтаксические категории – вершины, базы и функторы. База – это обязательный элемент составляющей, задающий ее сочетаемость и синтаксический класс. Вершина – это неветвящийся компонент, являющийся морфосинтаксическим локусом и опреде-

ляющий категориальную принадлежность составляющей. Наконец, функтор – это элемент, являющийся семантическим предикатом и мишенью согласования в сочетании. Очевидно, что в рассматриваемых Цвики сочетаниях вершиной, при таком понимании, будет служебное слово, а базой – полнозначный лексический элемент (смысловой глагол, существительное в структуре "детерминатор + NP" и т.д.). В сочетаниях же, не содержащих служебных слов (VP, NP и т.д.) база и вершина совпадают. В связи с этим Цвики предлагает расширить инвентарь основных синтаксических категорий и, наряду с сочетаниями "оператор + аргумент" и "модификатор + модифицируемый", различать сочетания вида "спецификатор + специфицируемый". Спецификатор (не путать с омонимичным термином в порождающей грамматике) – это вершина, не являющаяся базой. Большинство служебных слов попадает, тем самым, в разряд спецификаторов. Релевантность противопоставления баз и вершин (и, следовательно, релевантность понятия "спецификатор") Цвики иллюстрирует на примере разнообразных синтаксических правил. В целом статья Цвики представляется весьма глубокой работой по теоретическим основам синтаксиса. При этом, однако, следует отметить, что хотя автор и подчеркивает, что остается в своем исследовании на метатеоретическом уровне, его подход безусловно лучше согласуется с синтаксисом составляющих, а не с синтаксисом зависимостей, поскольку построение дерева зависимостей для того или иного словосочетания возможно, только если в нем может быть выделен единственный "главный" элемент, с которым и будут соединены стрелками зависимостей все остальные элементы. Однако весь пафос статьи Цвики состоит как раз в отрицании единственности такого "главного" элемента.

Из этих характеристик статей сборника видно, что сборник отличается широким охватом проблем и не менее широким диапазоном научных направлений. Авторы сборника посвятили свои статьи проблеме вершин в отдельных конструкциях (Корбетт, Пэйн, Рэдфорд), в дискурсе (Николс), в отдельных языках (Комри), в отдельных теориях (Кэнн, Винсент, Борсли) и в метатеоретических основаниях лингвистики (Хокинс, Хадсон, Цвики). Не менее примечательно, в контексте неумолимо растущей сегодня разделенности сторонников и противников генеративизма, что в сборнике приняли участие лингвисты самых разных научных направлений: среди авторов есть видный генеративист Э. Рэдфорд, лидер

функционального направления в современной лингвистике Б. Комри, убежденный оппонент хомскианского синтаксиса Р. Хадсон, работающий в рамках дочерней по отношению к хомскианству теории синтаксиса Р. Борсли, исследователь метатеоретических основ синтаксиса А. Цвики. Примечательно, что как проблематика, так и выводы каждой статьи сборника достаточно актуальны и, что не менее важно, понятны для лингвистов разных направлений. В этом, на наш взгляд, основная заслуга составителей сборника.

Хотя сборник, безусловно, характеризуется композиционным единством, в нем отсутствует послесловие составителей. Это вполне объяснимо, потому что подводить итоги дискуссии о вершинах в настоящее время рано. Хочется отметить лишь три особенности развернувшейся на страницах сборника дискуссии. Во-первых, почти все участники сборника согласны, что понятие вершины как доминирующего элемента словосочетания и предложения следует в том или ином виде сохранить в лингвистической теории, пусть и после значительной его модификации или даже расщепления на несколько понятий. Во-вторых, авторы сборника единодушно отказываются от традиционного взгляда на вершины, согласно которому вершина определялась как контролер согласования. На смену такому морфологоцентрическому взгляду на вершины приходит понимание того, что вершина есть прежде всего синтаксически значимый элемент (характерно, что подобный сдвиг в сторону от морфологоцентризма при анализе подчинительных отношений произошел и в отечественном языкознании) – ср. чисто морфологический подход к описанию подчинительных отношений у А.М. Пешковского и его критику в [19]. Наконец, авторы с различными теоретическими установками признают, что роль зависимого при вершине не столь статична, как это предполагалось ранее: зависимое может существенным образом влиять как на семантику, так и на синтаксические особенности вершины.

Недостатком сборника является относительно небольшой диапазон языков, факты которых привлекаются к обсуждению. Ис-

ключенным в этом отношении являются лишь статьи Пэйна, Винсента и Николс, в которых рассматриваются данные большого количества типологически разнородных языков. Можно надеяться, однако, что высокие образцы лингвистической мысли, представленные в сборнике, послужат стимулом для дальнейшего изучения проблемы вершин в типологическом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chomsky N. Remarks on nominalization // *Readings in English transformational grammar* / Ed. by Jacobs R.A., Rosenbaum P., Waltham (Mass.). 1970.
2. Zwicky A. Heads // *Journal of linguistics*. 1985. V. 21.
3. Hudson R. Zwicky on heads // *Journal of linguistics*. 1987. V. 23.
4. Hudson R. *Word grammar*. Oxford, 1984.
5. Hudson R. *English word grammar*. Oxford, 1990.
6. Pollock Y. Verb movement, universal grammar and the structure of IP // *Linguistic inquiry*, 1989.
7. Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*, 1986. V. 62.
8. Мельчук И. Синтаксис русских числовых выражений // *Wiener Slavistische Almanach*. 1985.
9. Hawkins J. A parsing theory of word order universals // *Linguistic inquiry*. 1991.
10. Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph.D. thesis. Cambridge (Mass.).
11. Grimshaw J. Extended projection. 1991. (manuscript).
12. Chomsky N. Lectures on government and binding. Foris (Dordrecht). 1981.
13. Hale K. Walpiri and the grammar of non-configurational language // *Natural language and linguistic theory*. 1983. V. 1.
14. Haspelmath M. Functional categories, X-bar theory and grammaticalization theory // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1994.
15. Topic continuity in discourse / Ed. by Givon T. Amsterdam. 1983.
16. Pollard C., Sag I. *Information-based syntax and semantics*. V. 1: Fundamentals. Stanfords, 1987.
17. Keenan E. On surface form and logical form // *Studies in linguistic sciences*. 1979. V. 8.
18. Chomsky N. *Barriers*. MIT Press. 1986.
19. Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики [МГУ]*, 1977.

К.И. Казенин